

Упадок революционного духа и необходимость сопротивления

Эррико Малатеста

23 сентября 1897

Эррико Малатеста
Упадок революционного духа и необходимость
сопротивления
23 сентября 1897

L'Agitazione (Анкона), год 1-й, № 28

ru.anarchistlibraries.net

Дорогие товарищи,

Корреспондент газеты *Avanti!* из Йези, сообщая о публичном выступлении против принудительной ссылки¹, которую я провёл в этом городе, пишет: «... Он добавил (оратор), что огромная вина (за рабскую покорность, с которой народ терпел притеснения правительства и капиталистов) лежит на анархической партии и республиканской партии, которые, проповедовав столь долго революцию, осознают невозможность её совершить, поскольку народ, совершенно несознательный, за ними не пойдёт»².

Так оно и было – это действительно то, что я сказал; но курсив, разумеется, корреспондент добавил от себя, и этот курсив в социал-демократической газете служит для того, чтобы хорошенько отметить (и, возможно, похвастаться),

¹ domicilio coatto

² *Avanti!* (Рим) 1, №265 (17 сент. 1897).

что я, критикуя мою партию и республиканскую, исключал из критики социал-демократов.

Это требует некоторого объяснения.

В Йези я говорил о разочарованиях, последовавших за надеждами, возбуждёнными итальянской национальной революцией, и говорил о том, как, с одной стороны, экономическое положение пролетариата становилось всё более тяжёлым, а с другой – постепенно утрачивалась та небольшая свобода, которую завоевала революция, вплоть до возвращения в состояние, равное или худшее тому, в котором находились при павших правительствах.

И я старался объяснить этот факт двумя рядами причин.

Во-первых, тенденцией, которую имеют общественные учреждения развиваться в определённом направлении и производить свои естественные следствия: тенденцией политической власти всегда расширять свою сферу действия и становиться всё более угнетающей; и тенденцией частной собственности захватывать все средства производства, всё более усиливать эксплуатацию работника и обращать во вред пролетариату все новые достижения науки и общественного прогресса.

Во-вторых, отсутствием народного сопротивления. И в этом отсутствии сопротивления, оставляя в стороне другие причины общего порядка, не входившие в цель того моего публичного выступления, я обвинял республиканцев и анархистов.

И те и другие, сознавая коренную несправедливость определённых учреждений и те дурные последствия, которые они фатально должны были принести, заботились только о полном и внезапном разрушении этих учреждений, презирая всё, что могло бы смягчить эти дурные последствия, – более того, желая, чтобы они проявились как можно острее, в надежде, что это вызовет и ускорит падение учреждений.

Республиканцы, естественно враждебные монархии, все беды возводили к конституционному [монархическому] режиму и либо не считали возможным, либо по тактике делали вид, что презирают любое улучшение, любую реформу, отправной точкой которой не было бы упразднение монархии.

Анархисты, противники всякого правительства и, следовательно, монархии, и противники частной собственности, ждали – по идее, аналогичной идее республиканцев, – всякого блага от радикального преобразования общественной организации, презирая улучшения, к которым может быть восприимчив нынешний режим, и, может быть, желая – всё в той же надежде ускорить конфликт – роста угнетения и нищеты.

Так вся деятельность двух партий сводилась к проповеди революции. Что же касается того, чтобы сделать её возможной и подготовить её, то они не умели делать ничего другого, как только вербовать в соответствующие организации приверженцев, по необходимости немногочисленных, и собирать оружие, которое из-за отсутствия средств и бдительности правительства всегда было мало и плохо и в конце концов обычно либо конфисковывалось, либо ржавело и становилось непригодным. К этому, мадзинисты сначала, а анархисты потом, добавляли развлечение с той или иной более или менее безобидной бомбой.

Между тем приверженцы, оттого что ждали революцию, ничего не делая, в конце концов совсем засыпали; а массы народа – по крайней мере та их часть, которая имела хоть какое-то сознание и могла бы что-то сделать, – слыша постоянно, что без революции ничего нельзя добиться, позволяла правительству и хозяевам угнетать и эксплуатировать себя в своё удовольствие... а также ждала революции. Революционный дух, возбуждённый в Европе великой французской революцией и сохранившийся живым

в первой половине века в Италии более, чем где-либо, – теперь, когда, из-за изменившихся условий и изменившихся целей, революцию нельзя было больше делать старыми методами, – мало-помалу угасал; и правительство смогло наконец позволить себе всё, не встречая никакого серьёзного сопротивления. И более того, очень часто случалось, что рабочие, когда собственными силами умели организоваться и добиться какого-то улучшения, отдалялись более чем когда-либо от революционеров, чьи предсказания и чьи намерения противоречили достигнутым результатам; так что достигнутые успехи, вместо того чтобы служить, как должны были бы и могли бы, приближению полного освобождения народа, становились новыми элементами сохранения рабства.

Этим ошибкам, этому методу классических революционеров, которому мы долго следовали, я противопоставлял своё убеждение, которое теперь является убеждением почти всех наших товарищей: что буржуазные учреждения могут, вынужденные сопротивлением и народной угрозой, ещё многое уступить, прежде чем дойти до точки, когда они должны будут неизбежно пасть, более или менее насильственной смертью; что в интересах революционеров вырвать у правительства и хозяев все возможные уступки – как чтобы уменьшить нынешние страдания народа, так и чтобы скорее добраться до окончательной битвы; и что народ тем более способен к революции, чем лучше его материальные и моральные условия и чем больше он приобрёл сознание собственной силы и привычку и способность бороться в сопротивлении и в непрерывной борьбе за улучшение условий жизни. Поэтому я заключал, поощряя к сопротивлению против закона о ссылке на поселение, который будет первым опытом – надеемся, победоносным – того, что народ может уже теперь, даже

мирно и законно, против правительственного произвола, если только сумеет показать свою волю.

Во всём этом я не упомянул социал-демократическую партию по простой причине: в тот период итальянской истории, к которому я относился, её не существовало. Она родилась в Италии как раз как следствие наших ошибок и упадка революционного духа народа; и она падёт или сведётся к партии простых политиканов в тот день, когда мы, наученные опытом наших прошлых неудач, сможем развернуть среди масс нашу деятельность, – и в итальянском народе пробудится уснувший революционный дух.

Впрочем, социал-демократы были бы неправы, если бы захотели похвастаться этими «признаниями анархиста», поскольку нашим ошибкам, общим для всех старых революционных школ, мы в значительной степени обязаны марксистским теориям, сторонниками которых все анархисты были когда-то – более логичными, если не более ортодоксальными, чем те, кто считал себя марксистом, и, возможно, чем сам Маркс, – и от которых мы избавлялись по мере того, как освобождались от ошибок марксизма.

Об этом в другой раз.

Ваш товарищ

Джузеппе Ринальди³

³ Под этим псевдонимом прячется Эррико Малатеста, который находился в Италии на тот момент нелегально.